

ВИБЛІОГРАФІЯ.

Гейсманъ, П. А. (генеральнаго штаба генер.-лейтенантъ). Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новіе вѣка (VI—XVIII столѣтія). Изданіе 2-е, переработанное, исправленное и сокращенное (XXVI+LVI+512+XIII+III страницъ) съ отдѣльнымъ атласомъ изъ 52-хъ чертежей. Спб. 1907 г. Ц. 4 р.

Въ цѣломъ—это трудъ огромный, незаурядный, тщательно оборудованный во всѣхъ отношеніяхъ и—въ своемъ родѣ—единственный.

Значительный объемъ книги не противорѣчитъ ея названію—«краткій... сокращенный курсъ», во имя девиза, избраннаго авторомъ (Слова Петра Вел.: «надлежитъ разсужденіе имѣть») ¹⁾, и гласящаго, что то, что необязательно для заучиванія наизусть, можетъ быть слишкомъ мало для всесторонняго обсужденія даннаго предмета ²⁾.

«Предисловіе» книги—весьма обширное, во многихъ отношеніяхъ назидательное, отчасти сенсационное, такъ какъ касается «внутреннихъ» причинъ раздора нашихъ военныхъ ученыхъ (Лееръ, Пузыревскій, Гейсманъ, Мартыновъ...) и мытарствъ кафедры военнаго искусства, въ академіи, а также литературныхъ нападокъ на разбираемый трудъ.

Къ сожалѣнію, въ предисловіи, какъ и во всемъ трудѣ автора, нѣтъ самаго главнаго—отвѣта на вопросъ—«что такое военное искусство»? Авторъ проситъ не смѣшивать исторію воен. искусства съ военной исторіей и съ военнымъ дѣломъ вообще, убѣждаетъ въ необходимости для каждаго образованнаго военнаго человѣка—знать «пути, по которымъ шло развитіе воен. искусства»... ³⁾ и, не давая опредѣленія своего предмета, обмолвился, что онъ явился, какъ результатъ сокращенія академическаго курса военной исторіи ⁴⁾. Смѣемъ

¹⁾ Нѣтъ указанія—откуда взято.

²⁾ Стр-ы XXV—XXVI предисловія.

³⁾ Стр. XVIII—XIX Предисловія.

⁴⁾ Стр. V тамъ-же.

думать, что наличность точнаго опредѣленія предмета устранила бы въ свое время всякіе споры съ ген. Пузыревскимъ, а нынѣ является единственнымъ средствомъ, чтобы вѣрно судить—нужно ли дальнѣйшее сокращеніе этой книги, о чемъ спрашиваетъ авторъ.

Книга составлена весьма доказательно—всюду ссылки на источники ¹⁾, и даже цѣлая глава посвящена систематизации и разбору; послѣднее дѣлаетъ книгу весьма цѣнной для самообразованія нашего офицерства. Но кажется ея распространеніе въ арміи не заходитъ дальше академическихъ стѣнъ. А жаль, у насъ такъ немного столь полно-оборудованныхъ, какъ самоучители, книгъ.

Авторъ подчеркиваетъ новый методъ, взятый имъ для изложенія своего предмета, именно—«обзоръ развитія военнаго искусства параллельно съ исторіей развитія народовъ и обществъ ²⁾». Мысль, бесспорно, почтенная, но при исполненіи часто стоятъ, какъ бы отдѣльно, безъ связи, оба разсматриваемыхъ предмета. Причина этого—отсутствіе еще выработанныхъ наукой масштабовъ для оцѣнки стратегіи государства, государственныхъ фронтовъ, стратегіи всего «военнаго дѣла», какъ дѣятельности рѣшенія задачъ жизни вооруженной силой. Вотъ почему, исторія государствъ, народовъ и обществъ, трактуемая авторомъ, есть не болѣе, какъ обзоръ военныхъ фактовъ этой исторіи и обратно—оцѣнка военныхъ фактовъ общимъ токомъ событій исторіи.

Въ главѣ «отъ римскаго владычества до феодальныхъ временъ», недостаетъ—по нашему—краткой исторіи военной борьбы народовъ Европы и оцѣнки проявленнаго ими военнаго искусства. Въ главѣ «феодальной» весьма поверхностно разобрано Штильфильдское сраженіе ³⁾, можетъ быть, вслѣдствіе недостаточности источниковъ, о чемъ не оговорено. Въ болѣе обстоятельномъ разборѣ Бувинскаго боя, есть странности, напримѣръ: «союзнники рассчитывали настичь противника на переправѣ... и встрѣчаютъ его изготовившимся къ бою»... какъ будто застать на переправѣ однозначно съ неизготовленностью къ бою вообще, а не къ одному бою «генеральному».

Въ главѣ о крестовыхъ походахъ находимъ мысль автора оборванной на самомъ интересномъ мѣстѣ: «походы эти дали толчекъ къ возникновенію въ этой сферѣ человѣческой дѣятельности (военное дѣло) новыхъ идей и понятій». Но самыхъ идей и понятій авторъ здѣсь не приводитъ—а вѣдь онѣ то и слагаютъ исторію военнаго искусства, ибо искусство есть лишь воплощеніе, проведеніе въ жизнь специальныхъ идей и понятій.

¹⁾ Только атласъ чертежей, къ сожалѣнію, безъ подобныхъ ссылокъ.

²⁾ XXI стр. Предисловія.

³⁾ Стратегическое значеніе боя не очерчено: нуженъ-ли онъ былъ?

Глава IV—«возрожденіе пѣхоты» должна быть, по справедливости, оваглавлена—«возрожденіе искусства, (побѣдоносности) пѣхоты» или «о несоответственномъ съ новыми условіями употребленіи рыцарской конницы». По нашему, не наученъ выводъ автора, будто «торжество пѣхоты обезпечивало дальнѣйшій прогрессъ военного искусства»... Слѣдовало сказать—не военного искусства вообще, а искусства конницы, ибо составленіе между конницей и пѣхотой подобно составленію между артилеріей и броней въ военно-морскомъ дѣлѣ.

Полна высокаго интереса глава V о военномъ искусствѣ средне-вѣковыхъ китайцевъ, монголо-татаръ и османлисовъ.

Въ главѣ VI находится интересный выводъ: «когда во главѣ имперіи и ея армій становились талантливые государи и полководцы, то въ отношеніяхъ этого государства къ сосѣдямъ и въ операціяхъ его армій происходили быстрые и рѣзкіе перевороты»... Итакъ, по автору, съ одной стороны кривая военного искусства чертится въ зависимости отъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ причинъ, подъ давленіемъ медленной эволюціи развитія народовъ и обществъ, а съ другой—въ ней творятся какія то пертурбаціи вродѣ «катаклизмы и эпиразисовъ¹⁾, отъ появленія талантливыхъ военныхъ людей. Словомъ, какъ опредѣленіе военного искусства, такъ и путей его развитія—дѣло еще темное, не тронутое авторомъ въ должной мѣрѣ.

Куликовская битва не растолкована съ точки зрѣнія удивительной утилизаціи русскими мѣстности, для парализаціи числа и силы натиска татаръ. Это русскій Марафонъ, гдѣ дефиле между вершинами двухъ крутобокихъ овраговъ заставило вводить татарскія силы по частямъ, затруднило охватъ нашихъ фланговъ и облегчило опрокинутіе татарскаго прорыва²⁾.

Въ главѣ VII преобладаетъ изложеніе политическаго взгляда на исторію Польши надъ взглядомъ военнымъ. Ничего не сказано о томъ, какъ измѣнилось стратегическое положеніе Польши отъ соединенія съ Литвой. Для Грюнвальдской операціи авторъ не далъ отчетной карточки и не изобразилъ на планѣ боя рельефъ³⁾ мѣстности, сыгравшій большую роль.

Оцѣнивая «обновную тактику» гусситовъ, авторъ все сводитъ къ искусству пѣхоты, тогда какъ всякій новый побѣдоносный пріемъ есть актъ искусства человѣка вообще, человѣческой мысли вообще, и есть не *возрожденіе* военного искусства, а *улучшеніе* его, при новыхъ, трудныхъ условіяхъ.

Глава первая 2-й части книги ничего цѣльнаго не представляетъ—это обзоръ разныхъ деталей, второстепенныхъ въ дѣлѣ военного искусства.

¹⁾ Старая теорія образованія вселенной (см. исторію геологій).

²⁾ Стр. 97-я (верховья рр. Смолки и Н.-Дубака).

³⁾ Хотя бы по теперешнимъ картамъ.

Очерчивая военные поступки Густава Адольфа, авторъ наглядно доказываетъ вліяніе незауряднаго человѣческаго ума на эволюцію военного искусства, выпавшаго на его долю. Тридцатилѣтняя война наложена авторомъ излишне подробно, и многое, не сопровождааясь выводами, не болѣе какъ повѣсть о томъ «кто куда ходилъ». Оцѣнка стратегіи Густава свелась къ перечисленію шквалы принциповъ операціонной стратегіи, выполненныхъ имъ, хотя и есть и оговорки, сильно уменьшающія данный выводъ, напримѣръ: «крайнее напряженіе силъ сразу... насколько это дозволялось имѣвшимися средствами...»¹⁾.

Въ главѣ IV, 2-й части интересна параллель западно-европейскихъ операцій эпохи Людовика XIV и русско-японской войны 1904—5 гг.²⁾, со стороны нашей?

Въ главѣ V, на примѣрѣ роста военныхъ способностей Тюренна, авторъ какъ бы указываетъ путь пріобрѣтенія полководческаго искусства: «научныя занятія»³⁾.

На примѣрѣ дѣятельности принца Евгенія Савойскаго авторъ строитъ выводъ, что искусство вождя есть важнѣйшій факторъ во всемъ «военномъ дѣлѣ»⁴⁾.

Въ главѣ VII, VIII и отчасти IX (2-й части) находимъ разборъ военныхъ дѣяній Фридриха. (Оцѣнка Фридриха, какъ полководца весьма путаная и легковѣсная⁵⁾). Высоту искусства, проявленнаго Фридрихомъ, умаляетъ обрисовка его противниковъ, какъ совершенно неускусныхъ людей: которые, «даже въ отношеніи пониманія обстановки и нерѣшительности переходили далеко за предѣлы, которые могутъ быть терпимы»⁶⁾.

Курсъ законченъ полъ-страницей на тему «Эпоха Наполеона», про которую туманно сказано, что она «завершаетъ собою почти весь подлежащій изученію періодъ исторіи этого (военнаго?) искусства...»

Затѣмъ идутъ приложения къ тексту, ввидѣ «опущенныхъ» подробностей военныхъ фактовъ, а на страницахъ 504—512, почти исключительно политическихъ.

Какъ общее заключеніе о книгѣ, скажемъ:

1) Размѣры статьи не позволили намъ коснуться болѣе подробно ея свойствъ и подробностей, особенно положительныхъ. Въ высокой степени послѣднихъ легко убѣдится самъ читатель.

1) Стр. 230, курсивъ нашъ.

2) Стр. 245.

3) Стр. 289 и 310.

4) Стр. 345.

5) Стр. 487 и 488.

6) Стр. 488.

2) Авторъ совершилъ огромную работу по составленію своей книги, основанной на обильнѣйшемъ и хорошо изслѣдованномъ матеріалѣ, русскомъ и иностранномъ.

Обстоятельность работы автора особенно сказывается, между прочимъ, въ подтвержденіи всюду всего сказаннаго обстоятельнѣйшими ссылками.

4) Но книга, кажется, написана не на тему, это не курсъ исторіи воен. искусства, а курсъ исторіи военного дѣла, гдѣ временами трактуется и собственно о военномъ искусствѣ.

5) Это произошло отъ отсутствія плана труда: нѣтъ опредѣленія военного искусства и нѣтъ теоріи послѣдняго, кромѣ теоріи искусства *оперативнаго*. Это отразилось и на отсутствіи общихъ выводовъ по курсу. Девизъ, избранный авторомъ для своего труда, обязывалъ его особенно поработать надъ планосообразностью книги.

Вообще же говоря, сверхъ незауряднаго и талантливаго иллюстрированія авторомъ разныхъ эпохъ и случаевъ военного искусства, мы желали бы видѣть еще и строгое изслѣдованіе эволюціи искусства на основаніи имъ же (авторомъ) выработанныхъ и доказанныхъ научныхъ масштабовъ.

А. Шеманскій.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Streffleur's Militärische Zeitschrift. Сентябрь.

Огонь тяжелыхъ мортиръ, капитана Вильгельма Кноблоха.

Вопросъ о тактическомъ примѣненіи тяжелыхъ орудій, въ особенности навіснаго огня, до послѣдняго времени принадлежалъ къ числу наименѣе разработанныхъ. Только теперь, когда установился взглядъ на необходимость болѣе тѣсной связи между дѣйствіями войскъ и огнемъ тяжелой артилеріи, свойства послѣдней начали изучаться лицами, коимъ приходилось сталкиваться съ вопросами объ атакахъ и оборонѣ укрѣпленныхъ позицій. Къ сожалѣнію, артиллеристы всѣхъ странъ почти не занимались вопросомъ, какъ употреблять въ бою тяжелыя орудія, и на обращенные къ нимъ вопросы всего военного общества могли привести только данныя таблицъ стрѣльбы. Свойства отдѣльныхъ гаубицъ и мортиръ—дальность, вѣсъ снаряда, и т. д.—стали общезвѣстными; вопросъ о свойствахъ и боевомъ употребленіи массъ тяжелой артилеріи оставался открытымъ. Съ нимъ приходилось сталкиваться довольно часто и на крѣпостныхъ поѣздкахъ, военныхъ играхъ, маневрахъ, и въ литературѣ.

Капитанъ Кноблохъ возстаетъ противъ ошибочныхъ положеній, которыя начали устанавливаться въ бумажной практикѣ мирнаго времени.

Подполковникъ Ханика, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ австрійскихъ военныхъ инженеровъ, высказываетъ взглядъ о желательности сильнаго сосредоточенія мортирнаго огня для полученія быстрыхъ и рѣшительныхъ результатовъ. Онъ полагаетъ, что задачу, которую одна батарея (4 мортиры) можетъ выполнить въ 6 недѣль, группа въ 3 батареи выполнить въ 2 недѣли, а 3—4 такихъ группы—въ нѣсколько дней.

Этотъ взглядъ распространенъ и у насъ: полагаютъ возможнымъ назначить для обстрѣла форта 50 тяжелыхъ мортиръ и чуть ли не въ одинъ день совершенно стереть его съ боевого поля. Капитанъ Кноблохъ очень обстоятельно доказываетъ техническую невозможность и тактическія невыгоды такого массоваго сосредоточенія огня.

Этому препятствуютъ, во первыхъ, условія пристрѣлки. Мортирный огонь дастъ результатъ только въ томъ случаѣ, если каждая батарея пристрѣляется совершенно точно. Мортирные бомбы такъ дороги, подвозъ ихъ представляетъ такія трудности, что разбрасывать ихъ при стрѣльбѣ по площадямъ совершенно не допустимо.

Въ виду необходимости точной пристрѣлки нельзя данныя для стрѣльбы передавать изъ одной батареи въ другую: батареи располагаются разбросанно, на различномъ удаленіи, на разныхъ уровняхъ; орудія различныхъ батарей не одинаково изношены, и бой батарей различенъ. По даннымъ австрійскихъ опытовъ разныя шестидюймовыя мортирные батареи, стрѣлая при одномъ углѣ возвышенія и зарядѣ, давали разницу въ дальности до 100 метровъ.

Сколько времени нужно, чтобы пристрѣлять 12 батарей? Снарядъ девятидюймовой мортиры распыливаетъ такую массу земли, что наблюдать сразу попаданіе двухъ снарядовъ нельзя: по цѣли такой ширины, какъ современный фортъ, можно пристрѣливаться только поочередно, по одной батарее. Для точной пристрѣлки батареи, по невидимой наводчикамъ цѣли, требуется по крайней мѣрѣ 30 выстрѣловъ, а для 12 батарей—360 выстрѣловъ. На каждый выстрѣлъ нужно положить 2 минуты—въ виду долгаго времени полета снаряда и необходимости передавать наблюденія съ удаленныхъ пунктовъ—съ воздушнаго шара. Итого нужно по крайней мѣрѣ 720 минутъ—12 часовъ.

Но данныя такой пристрѣлки никуда не будутъ годны: каждый часъ измѣняются направленіе и сила вѣтра, плотность, воздуха; выработанныя для стрѣльбы данныя годятся только на короткое время; непрерывно необходимо дѣлать поправки при стрѣльбѣ. При сосредоточенной стрѣльбѣ по форту 12 батарей, конечно, отъ всякихъ по-

правокъ надо отказаться: наблюденій быть не можетъ, такъ какъ около форта будетъ происходить такое изверженіе, что и съ воздушнаго шара ничего не удастся разобратъ. Такимъ образомъ, 12 батарей совершенно не могутъ вести точную, хотя бы и медленную, стрѣльбу по широкой цѣли.

Капитанъ Кноблохъ считаетъ, что по ночамъ тяжелыя мортиры не будутъ стрѣлять, такъ какъ огромное пламя при каждомъ выстрѣлѣ ночью совершенно точно укажетъ оборонѣ мѣсто расположенія каждой мортиры, за какой бы маской она не пряталась; уцѣлѣвшія орудія обороны могутъ сильно разстроить мортирные батареи.

Для стрѣльбы многихъ мортирныхъ батарей по одной цѣли едва ли удастся подыскать удобныя позиціи. Мортира—оружіе очень тонкое, которое работаетъ хорошо только на опредѣленной дистанціи. Съ близкихъ разстояній стрѣльба даетъ плохіе результаты—малый зарядъ, малая скорость, въ мѣткости выигрыша нѣтъ. Съ большихъ дистанцій—велико разсѣяніе. Австрійскія девятидюймовыя мортиры хорошо работаютъ только по цѣли, удаленной на разстояніе отъ 4 до 5 километровъ ¹⁾. Поэтому всѣ мортирные батареи, назначенныя для разрушенія форта, могутъ стать только на площади между двумя дугами, описанными радиусами въ 4 и 5 километровъ. Чтобы не подставить флангъ подъ огонь сосѣднихъ участковъ крѣпостной позиціи, можно воспользоваться дугой не свыше 6 километровъ длины. Такимъ образомъ, максимальная площадь для расположенія мортиръ для стрѣльбы по одной цѣли равна 6 квадратнымъ километрамъ; на этой площади едва-ли окажется избытокъ въ закрытыхъ позиціяхъ. Если много мортирныхъ батарей бьютъ по одному форту, то оборона легко можетъ выяснитъ тѣ закрытыя позиціи, на коихъ могли расположиться мортирные батареи.

Мортирные установки даютъ уголъ обстрѣла всего въ 16°, и со своей позиціи мортиры могутъ обстрѣливать участокъ непріятельскаго фронта всего на 600—650 метровъ въ сторону отъ главнаго направленія выстрѣловъ.

Чтобы перенести огонь по окончаніи стрѣльбы по форту на цѣль, удаленную отъ него всего на 1—2 версты, придется переключивать всѣ платформы, т. е. выполнить работу почти равносильную переѣзду на другую позицію. Эту работу придется выполнять при каждомъ переносѣ огня.

Въ тактическомъ отношеніи постепенная продолжающаяся цѣлыми днями пристрѣлка не желательна; не цѣлесообразнымъ является молчаніе окончившихъ пристрѣлку батарей, вынужденное пристрѣлкой сосѣднихъ батарей. Потрясеніе одной точки непріятельскаго фронта

¹⁾ Для германскихъ восьмидюймовыхъ мортиръ эти предѣлы меньше на 400 метровъ.

совершенно недостаточно; атакующій попадетъ подъ перекрестный огонь съ сосѣднихъ участковъ. Неудобноуправляемое, громоздкое сосредоточеніе мортирнаго огня только заблаговременно укажетъ оборонѣ пунктъ атаки.

Съ точки зрѣнія экономіи снарядовъ и времени сосредоточеніе по одному укрѣпленію огня болѣе 3, самое большее—4 батарей—совершенно недопустимо. И это уже представляетъ большія трудности. Дальнѣйшее сосредоточеніе огня не дастъ ничего, такъ какъ будетъ идти въ ущербъ мѣткости.

Не входя въ дальнѣйшія подробности чрезвычайно поучительной статьи капитана Кюблеха, укажемъ только, что онъ считаетъ возможнымъ подготовить къ штурму современный броневой фортъ въ 8 дней. Каждая изъ 16 девятидюймовыхъ мортиръ будетъ выпускать ежедневно по 40 бомбъ; всего потребуется 5,120 бомбъ. Это число бомбъ, сравнительно съ другими расчетами, надо признать умереннымъ. Въ интересахъ большей мѣткости капитанъ Кюблехъ рекомендуетъ весьма медленный огонь; въ Германіи полагаютъ, что 8-ми дюймовыя мортiry могутъ съ толкомъ выпускать до 100 бомбъ въ сутки.

А. Свѣчинъ.

